

циально-политической ситуации и конъюнктуры церковь готова объединиться ради мира и стабильности в государстве.

В статье Линника Юрия Владимировича освещаются предпосылки, течение и последствия подписания меморандума. Автор пытается раскрыть причину, которая тормозит создание поместной церкви на Украине. Большое внимание в статье уделяется роли меморандума в религиозной жизни Украины и реакции на него руководства УПЦ МП и РПЦ.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Шилкина
Москва, Россия

Теме церковно-государственных отношений посвящено огромное количество работ, так как эти отношения во многом определяли в течение тысячи лет и историю греко-российской, а затем русской православной церкви и историю государства российско-го. И поныне государственная власть активно использует религиозный фактор в своей политике, а церковная иерархия исходит в управлении церковью из принципа партнерства с государством.

Однако опыт XX в.: с одной стороны, невиданные гонения на церковь со стороны государства, его тотальный контроль над кадровой политикой и церковным управлением, лишение церкви собственности и прав юридического лица, всякой возможности участия в жизни общества, множество церковных расколов, главной причиной которых стали непримиримые разногласия по поводу отношений с государством, а с другой стороны, – Поместный собор 1917–1918 гг., открывший путь к возрождению соборности церкви, рождение потаенной церкви – тайных групп, собранных вокруг своего духовника или старца в таинстве покаяния и евхаристии, зарождение неформальных общин и братств не-приходского типа, противостояние сотен тысяч новомучеников и исповедников российских тоталитарному государству – этот опыт коренным образом изменил систему отношений церкви с государством и обществом, и поставил перед исследователями новые задачи.

Во-первых, требуется по-новому определить, что такое Русская православная церковь как предмет исследования. Как

историческая организация она сегодня не однородна, не едина, не целостна. Ее невозможно больше сводить к канонической сакраментально-иерархической организации, понимаемой в обществе то как носитель национально-культурной традиции, то как государственно-патриотическая организация, то как замкнутая социальная корпорация. В РПЦ все больше возникает неформальных внесистемных объединений самого разного характера, как среди мирян, так и среди иерархии. Одни, сохраняя догматическое и евхаристическое единство со всею церковью, стремятся внутреннюю общую жизнь приближать к евангельским основаниям своей веры, а внешнюю обратить прежде всего к обществу, а не к государству. Другие, наоборот, создают «свой» приход, строя храм на свои средства, организуют там обычную приходскую жизнь (кроме таинств), но не желают входить в епархиальную структуру. С РПЦ членов этих групп связывает индивидуальное участие в таинствах покаяния и евхаристии в «обычных» приходах. Третьи, формально являясь каноническими приходами или монастырями РПЦ, создают там секты, управляемые лжестарцами и фактически не подчиняющиеся архиерею.

Важной проблемой исследования в контексте единства церкви является соотношение жизни российских и зарубежных епархий РПЦ. Различный церковный календарь, существенные отличия в литургической практике, но самое главное – наполнение приходов гражданами государств, где эти приходы расположены, и невозможность руководствоваться многими положениями Основ социальной концепции РПЦ, посвященными вопросам патриотизма и партнерства.

Во-вторых, **развитие неформальных общин и братств порождает в их лице отношения церкви с обществом, а не только с государством.** Эти отношения наиболее перспективны и для церкви, и для общества. Но они мало исследуются социологами и историками.

В-третьих, **требуют серьезного научного изучения сложные процессы, идущие внутри самой РПЦ.** Укрепление фундаменталистских сил и их связей с определенными государственными структурами и бизнесом, нарастание противоречий между канонической иерархией, прежде всего патриархом и Синодом, и этими силами угрожает церкви множественными расколами. Непонимание глубины этих противоречий и порождаемых ими перспектив развития церкви и последствий для общества приво-

дит к популистской критике РПЦ, что только усиливает антицерковные силы.

Эти новые задачи требуют **разработки нового категориального аппарата**, перевода экклезиологических категорий на язык социологии религии, **переноса акцента с количественных на качественные методы исследования**, и главное – **развития междисциплинарных исследований**, в том числе сотрудничества с теологией не только университетской, но и конфессиональной. Главная трудность при этом будет не только в сильном отставании российского богословия в результате разгрома церковной науки в советской России даже от того уровня, который был достигнут им в первой половине XX века, но в идеологизации и расколотости богословского сознания, отражающего аналогичные процессы в современной жизни церкви.

Продуктивным подходом, на наш взгляд, может быть **выделение исторических моделей церковно-государственных отношений**, содержательные признаки которых можно увидеть и в современной действительности. Симфония церкви и государства проявлялась как доминирующая традиция в церковной истории. На разных этапах жизни церкви она выступала в разных исторических моделях:

- в домонгольский период как *модель взаимного попечения*, для которой характерны взаимная заинтересованность церкви и княжеской власти друг в друге, миссионерский императив обеих сторон, готовность государства защищать чистоту веры, сохранение потенциальной возможности усиления общинно-братских начал в церкви;

- в период северной русской митрополии (точнее, к его концу, в XVI в.) сложилась *классическая «русская» модель симфонии*, определяющими чертами которой являлись взаимосвязь национальной независимости государства и автокефалии церкви, теократическая легализация государственной власти и полная зависимость церкви от государства;

- в патриарший период возникает *государственно-уставщическая модель*, в рамках которой появление фигуры патриарха во главе церкви лишь укрепило самодержавное московское царство, способствовало его централизации;

- в синодальный период *имперско-секулярная модель* отношений церкви и государства характеризуется секулярной системой легитимизации власти, ликвидацией патриаршества, окончательной потерей церковью качества соборности;

• период гонений на церковь приводит отчасти к *перерождению «симфонии» в ересь обновленчества* и, с другой стороны, – к невиданным гонениям на неподчинившуюся ему церковь со стороны государства, множественным церковным расколам по политическим мотивам, в основе которых лежит непримиримость двух путей спасения церкви: попытки найти ей место в новом режиме или стремления сохранить духовную независимость от богоборческой власти любой ценой.

Расколотовость XX века, современные попытки возродить в модернизированном виде симфонию церкви и государства привели к разрушению экклезиологического сознания в настоящий период. Православие как реальная вера и жизнь для большинства членов сегодняшнего общества – это новая религия, возникающая в результате стихийной реставрационной эволюции массового сознания. Это позволяет предположить, что попытки возродить симфонию церкви и государства могут отбросить обе стороны на любой из этих этапов в социально-политическом и в экклезиологическом отношении.

Как сама Русская православная церковь понимает сегодня норму церковно-государственных отношений? В церковных документах и речах высшей иерархии звучат два понятия: **партнерство** и **патриотизм**. В мае 1993 г. на первом форуме Всемирного Русского Собора, провозгласив православие «фундаментом нашей цивилизации и государственной идеей» России, митрополит Кирилл (ныне патриарх) так выразил свое отношение к прошлому страны: «Государственное устройство, в основе которого лежала не столько сила оружия, сколько сила духа, требовало от русских непрерывного подвижничества и преданности. За веру, Царя и Отечество – так понимали русские свой патриотизм»¹. Это первая попытка в церковных документах определить патриотизм как верность и служение духовным, государственно-монархическим и родовым ценностям, взятым в единстве.

Долг христианского патриотизма понимается в Основах концепции как призванность православного христианина «любить свое отечество, имеющее территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру». Более того, утверждается, что «такая любовь является одним из способов исполне-

¹ I Всемирный русский собор. – М., 1993. – С. 14.

ния заповеди Божьей о любви к ближнему, что включает любовь к своей семье, соплеменникам и согражданам»¹.

Характер церковно-государственных отношений определяется сегодня понятием «партнерства церкви и государства». На Архиерейском соборе 2008 г. митр. Кирилл говорил: «Учитывая масштабы <...> практического взаимодействия Церкви с государственными учреждениями и гражданским обществом, сегодня необходимо вести речь о широком церковно-государственно-общественном партнерстве. При этом принципы свободы совести и светскости государства не могут рассматриваться как препятствие для развития такого партнерства»². Основы социальной концепции подчеркивают, что «в современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Однако <...> задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в достижении чисто земной пользы, но и в осуществлении спасительной миссии Церкви. <...> Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству. <...> В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством. В то же время «государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви <...> Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям». <...> В осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства» (ОСК, III. 5).

Это наиболее полное понимание принципа партнерства церкви и государства в официальном документе РПЦ, которое в идеализированном варианте представляет всю ту же модель церковно-государственной симфонии. И так же, как и в предыдущие века, церковь претендует на привилегированное положение: Церковь «...также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет

¹ О социальной концепции русского православия. – С. 258.

² Архиерейский собор РПЦ 24–29 июня 2008 года. Документы. Доклады. – М., 2008.

учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» (ОСК, III.6).

При такой постановке вопроса о патриотизме и партнерстве с государством видны три круга проблем.

Во-первых, терминологические.

Требуется четкое обоснование такого понятия, как «каноническая территория» или «страны канонической ответственности» (на которые распространяется «территориальное измерение» отечества).

Во-вторых, проблемы внешние (по отношению к «территории отечества», т. е., к границам российского государства).

1. Это проблемы приходов РПЦ за рубежом¹. Их прихожане являются гражданами десятков стран, принадлежат к десяткам разных наций и народностей. Либо они должны исполнять свой патриотический долг по отношению каждый к своему государству и своему народу, но тогда ее члены могут в определенной исторической ситуации оказаться противостоящими друг другу в интересах «своих» государств. Либо этот принцип ОСК не распространяется на приходы за пределами РФ, что невозможно для общецерковной концепции.

Непросто обстоят дела и с принципом партнерства церкви и зарубежных государств. Если РПЦ осознает себя партнером государства Российского (а это закреплено множеством Законов и договоров), то партнерами какого государства должны осознавать себя прихожане за пределами РФ?

2. Это проблема Западноевропейского экзархата, находящегося ныне в юрисдикции Константинопольского патриархата, но являющегося наследником эмигрантов Русской православной церкви. Одна из основных причин нерешенности этого вопроса – тесные отношения РПЦ и российского государства.

В-третьих, это внутрицерковные проблемы РПЦ.

1. Прежде всего, это проблема полноты усвоения наследия новомучеников и исповедников российских. Канонизировав собор новомучеников и исповедников, церковь тем самым признала советский режим богоборческим. В выступлениях патриарха Кирилла, архиепископа Иллариона, заместителя председателя

¹ В 2008 г. в 51 странах диаспоры было 316 приходов и 16 монастырей Московского Патриархата (из доклада митрополита Кирилла на Архиерейском соборе 2008 г.).

ОВЦС иеромонаха Филиппа (Рябых) впервые от лица церкви режим назван преступным и репрессивным¹. Но при этом, по словам прот. Георгия Митрофанова, «Ощущение того, что прославление новомучеников – это повод для серьезного критического осмысления нами нашего церковно-исторического пути, многим даже не приходит в голову»². В Основах социальной концепции об этом невиданном в истории периоде государственных гонений на церковь не сказано ни слова.

2. Проблемой является фундаментализм, уходящий корнями в раскол XVII века, во многом, если не во всем, спровоцированный вмешательством государства во внутрицерковные споры. Различные фундаменталистские группы утверждают патриотическую верность национальным традициям. И те, и другие решают вопрос в плоскости отношений с государством: одни опираются на его силу в борьбе с «еретиками и сектантами», другие объявляют его Антихристом и отказываются от всяких контактов с ним. Критерием единства церкви в обоих случаях становится не единство веры и духовного опыта, а отношения с государством.

3. Не решена проблема ереси обновленчества. Не было общецерковного осуждения обновленчества как ереси модернизма и обмирщения церкви, государственного сервилизма. Антиканолическое хоть и вынужденное сотрудничество с государством в области управления церковью и поставления иерархии, происшедшее на протяжении всего советского периода, нигде не было соборно осуждено.

По сути дела, все эти проблемы – нерешенный вопрос единства церкви.

Однако можно с большой долей уверенности предположить, что будущее церкви не за укреплением структуры канонического института РПЦ, а за децентрализацией управления, ростом общин и братств неприходского типа, объединенных в общероссийское православное братство, восполняющее и поддерживающее институциональную церковь и строящее партнерские отношения не с государством, а с обществом. Они стремятся к возрож-

¹ См. Благовест-инфо 22 декабря 2009 года.

² Чуждые по духу новомученики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=29407>. – Дата доступа: 03.04.2009.

дению соборности, которая и создает альтернативу симфонии церкви и государства.

Прецеденты такого опыта присутствовали в жизни церкви всегда, хотя часто и не были доминирующей традицией, поддерживаемой официальной церковной структурой. Перерывы между ними могли длиться десятилетиями, они возникали без видимой преемственности друг с другом, исполняли свое призвание в данный исторический период и прекращали свое существование либо насильственным путем, либо поглощенные более сильной официальной структурой. Но вновь и вновь возрождались, делая все более осязаемым в истории церкви неумолимое стремление к подлинной духовной свободе.

Это принципиально важно, так как позволяет говорить о неоднородности и богатстве церковного предания, о стремлении церкви противостоять тенденции обмирщения, о том, что союз с государством чаще всего являлся вынужденным.